

77762

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

1924
№ 12

МАЙ — ЮНЬ.

о купальскихъ огняхъ и среднихъ съ ними представлѣніяхъ — статья дѣйст. чл. А. А. Потебни ..	97—106.
о древностяхъ заволочской Чуди печорскаго края — статья дѣйст. чл. Э. И. Эйхвальда ..	107—111.
замѣтки по литературной археологіи: 1) бронтологіи и астрологическія предвѣщанія, 2) Гермесъ Трисмегистъ — статья дѣйст. чл. А. Н. Пыпина ..	112—119.
критика и библиографія: ст. дѣйст. чл. А. Н. Аванасьева о сочиненіи FUSTEL DE COULANGES'A — LA CITÉ ANTIQUE. ..	120—127.
статьи: дѣйст. чл. В. Е. Тизенгаузена, П. И. Лерха и чл. осн. К. К. Гёрца.	127—136.
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ — статьи дѣйст. чл. гр. Е. П. Тышкевича, П. И. Лерха, В. Е. Тизенгаузена и др. (съ четырьмя политипажамъ), ..	137—144.

О КУПАЛЬСКИХ ОГНЯХЪ

И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ.

Значеніе, придаваемое народомъ купальскимъ кострамъ, видно изъ слѣдующаго.

Около Пожеги въ Славоніи, кто выше скачетъ черезъ огонь, у того будетъ луч-
ше урожай пшеницы и всего прочаго, и ленъ будетъ выше (Pič, Narodni slaven.
obič. Zagr. 1846. 164). Въ Бр. на канунъ Ивана, по заходѣ солнца, вбиваютъ колъ
въ землю, обкладываютъ его соломой и коноплями, а на самый верхъ кладутъ пукъ
соломы, называемый купало. Потомъ зажигаютъ этотъ костеръ и бѣгаютъ во-
кругъ него, бросая въ него березовыя сучья и приговаривая: «кобъ мой ленъ такъ
великій бывъ, якъ етая фарастина!» (Терещ. V, 75—6). Такъ и въ Чехахъ скачутъ
какъ можно выше черезъ огонь, чтобъ родились конопки (Hauš. Kalendář bajesl.
187). По Дравѣ головни изъ Ивановскаго костра и остатки факеловъ разносятъ и
бросаютъ по полямъ и огородамъ, чтобъ наѣкомыя не портили капустной расса-
ды и посѣвовъ (Pič. 164). Изъ этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ видно, что ку-
пальскіе огни имѣютъ отношеніе къ урожаю.

Въ разныхъ мѣстахъ по сей бокъ Днѣпра соблюдается слѣдующій обычай. Подъ
Ивана дѣвки, срубивши дерево черноклень, вбиваютъ его въ землю на игрищѣ.
Потомъ дѣлаютъ изъ соломы чучело (ляльгу), одѣваютъ его по женски въ юбку, кор-
сетку и пр., навѣшиваютъ на него свои кресты и наместа и сажаютъ подъ деревомъ.
Кукла эта, какъ мнѣ положительно извѣстно, въ харьк. г. называется мареною
(Скр. маранам (ср. р.), смерть), между тѣмъ, какъ по словамъ Терещенка (V, 79)
и Маркевича (Обычаи и пр. 10) Мареною называется черноклень, а кукла — Ку-
паломъ. Не сомнѣваясь въ вѣрности этихъ послѣднихъ извѣстій, можно однако ви-
дѣть въ нихъ позднѣйшее искаженіе обряда. У Тер. на слѣдующей стр. (V, 80) го-
ворится, что чучело, называемое Купаломъ, одѣваютъ какъ женщину, въ очипокъ,
ленты, наместо. Изъ этого слѣдовало бы, что Купало есть женщина, чему противо-
рѣчаютъ нѣкоторыя извѣстія.

1924
4612.

Въ Харьк. г. передъ вечеромъ дѣвчата подѣ чернокленомъ накрываютъ столъ, наготовятъ яичницъ и млищовъ, хлопцы принесутъ водки, ѣдятъ и пьютъ. Потомъ дѣвчата снимаютъ все свое съ Марены и несутъ ее топить вмѣстѣ съ чернокленомъ ¹⁾. Это дѣлается передъ вечеромъ, а костры зажигаются по заходѣ солнца. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ землю чернокленъ, обвѣшанный вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купала (т. е. куклу) и невдалекѣ разводятъ огонь (Марк. ib.) Въ третьихъ—чучело обкладываютъ кучей соломы съ крапивой и зажигаютъ. Черезъ этотъ огонь скачутъ и поютъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло мое водила Купала,
Гратиме сонечко на Ивана.
Та купався Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала підъ Ивана! (Терещ, V, 80)

Въ Волг. у Харьк. г., когда водятъ танокъ около марены, сидящей подѣ деревомъ, эту пѣсню такимъ поютъ образомъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло Володимеря Купала,
Играло сонечко на Івана.. ²⁾

¹⁾ При этомъ поютъ:

Якъ пішла Ганна до броду по воду,
Ганно моя, панно моя!
Ягодо моя червоная!
Та стала Ганна на всхиття гляди,
Ганно моя и пр:
Кладка схитнулася, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усімъ закарала:
«Не беріте, люде, у броду води,
Що й у броду вода, то Ганнина врода,
Не ловіте, люде, у Дунаї риби,
Що въ Дунаї риба, то Ганнина тило.
Не косіте, люде, по лукахъ трави,
Що по лукахъ трава, то Ганнина коса.
Не ломліте, люде, по лугахъ калины,
По лугахъ калина, то Ганнина краса.

Отношеніе этой пѣсни къ топленью Марены совершенно не ясно. Можно сказать только, что попытка найти въ Ганнѣ царевну Анну, основанная на томъ, что въ другой купальской пѣснѣ упоминается о Володимерѣ, не ведетъ ни къ чему.

²⁾ Тотъ же припѣвъ послѣ каждого стиха въ слѣд. пѣснѣ:

Ишли дівочки въ ліс по ягідочки.
Коло Володимера и пр.
Та припало дівкамъ та Дунай плисти,
Та Дунай-море плисти, річеньки брести.
Та всі дівочки въ плахтахъ шовківгахъ,
Дівка Оленка (имя присутствующей здѣсь сироты)
въ плахті черніці.

Этой пѣсни нельзя понимать такъ, что танокъ ходитъ около Марены и около Купала, п. ч. «коло Володимеря и пр.» есть припѣвъ, неимѣющий грамматической связи съ первымъ стихомъ, точно такъ, какъ и въ приведенной въ выносѣ пѣснѣ «Ишли дівочки». Самый припѣвъ можно понимать различно. Коло «Володимеря» можетъ быть обозначеніемъ мѣстности, гдѣ совершается обрядъ Купала; подобно этому въ другой купальской пѣснѣ припѣваютъ:

... Въ чистімъ полі роса пала,
На улиці -- Купала на Йвана!

Во вторыхъ, такъ какъ въ Укр. основное Русское твердое р можетъ неорганически смягчаться, то «Володимеря (т. е. Володимера) можетъ быть не притяжательнымъ, обозначающимъ мѣстность, а эпитетомъ Купала. Купало можетъ быть названъ Володиміромъ, т. е. володѣющимъ міромъ, княземъ, подобно тому, какъ въ заговорѣ, приводимомъ г. Максимовичемъ, мѣсяць (князь, *xiężyc*) названъ Володимеромъ.

Очень не достаточны свѣдѣнія о Болгарскомъ обрядѣ, подобномъ выносу Марены: «на Енѣвъ день» дѣлаютъ куклу изъ разныхъ старыхъ платьевъ или изъ соломы, дѣвушки и парни носятъ ее, какъ покойника, а другіе идутъ за ними, что то говорятъ и поютъ пѣсни (Каравеловъ, Пам. нар. быта Болгаръ I, 234). Можетъ быть эта кукла изображаетъ мужчину, и въ такомъ случаѣ ср. похороны Ярилы (Терещ. V, 100 слѣд.) и смерть Кострубоньки — Костромы (*Żeg. Pauli I, 21—2*, Основа 1861. 11 кн. Свидницк. Великдень 51).

Какъ бы то ни было, но народъ связываетъ топлёные или сожиганье Марены — Смерти и купальскіе костры. Зажиганье костровъ и прыганье черезъ нихъ имѣетъ цѣлю освобожденіе отъ враждебной силы болѣзни, смерти и связанныхъ съ послѣднею миоическихъ существъ. Въ Краинѣ малыхъ дѣтей, которыя сами прыгать не могутъ, матери переносятъ черезъ огонь, для здоровья. На границѣ между

Та всі дівочки Дунай перепливали,
Дунай перепливали, річки перебрели;
Дівка Оленка въ Дунаї втонула.
Якъ пришла слухи та до мачухи:
«Ой не жаль мені дівки Оленки,
«Ой та жаль мені плахти чернитки!

Потомъ повторяется тоже, но вм. 5 ст. «Дівка Явдошка (у которой есть родная мать) въ плахти шовивки», а вм. 3-хъ послѣднихъ ст.

Якъ прийшли слухи та до матінки:
«Ой не жаль мені плахти шовивки,
«Ой та жаль мені дочки Явдошки!»

Смыслъ пѣсни тотъ, что лучше родная мать, чѣмъ мачиха; подобно этому въ нѣсколькихъ другихъ купальскихъ пѣсняхъ: лучшій отецъ, мать чѣмъ свекоръ, свекровь и весь мужниный родъ.

Замѣтимъ выраженіе «Дунай. -- море» Общеизвѣстно, что сл. море имѣло нѣкогда болѣе широкое зн., чѣмъ теперь, но незнаю, было ли кѣмъ указано, что и у насъ сохранились слѣды такого значенія: о ратныхъ Игоря Святославича и братьи: «попахуть (сказывали) Русь (т. е. Руси) съ 15 мужъ утеаши, а Ковуемъ мяѣ, а прочіи въ морѣ истопоша (Ип. Л. 132)»; но моря тамъ не было, а были рѣчки. Въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ слѣдуетъ, кажется, понимать сл. море и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сл. о П. И.

Штирією и Каринтією утромъ 24 Іюня собирають золу купальскихъ костровъ и ею лѣчатся отъ всякихъ болѣзней. Около Пожеги говорятъ, что самые огни въ ночь на 24 Іюня прогоняють разныя болѣзни, особенно головную боль и моровую язву. Во время заразы одна женщина зажгла костеръ и въ отчаяніи бросилась въ него. Ее спасли и вмѣстѣ съ тѣмъ Куга, испугавшись горящаго костра, ушла изъ села (Піѣ 165—7). У Литовцевъ, Чеховъ (Hapuš kalend. 187) и Великоруссовъ (Терещ. V, 78) на Купала не только скачутъ черезъ огонь (или его замѣны: кучи крапивы, шиповнику); но и перегоняють черезъ него скотъ. Это сближаетъ купальскіе костры съ Нѣм. «Notfeuer» во время падежа (Grimm myth. 570 слѣд.) и сожиганьемъ коровьей смерти у Вр. (Тер. VI, 42), личности тождественной съ Мареною или Марою, которую сожигаютъ или топятъ въ началѣ весны (Тер. V, 8 — 9, 10) или на Купала.

У Хорватовъ и Сербовъ вѣштыцы боятся остатковъ купальскихъ огней, и потому, чтобы преградить имъ входъ въ село, люди втыкають огарки Ивановскихъ факеловъ въ плетни (Піѣ 164). Въ Мр. на Купала раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ крапиву (замѣну огня) и папоротникъ, чтобы вѣдьмы и вовкулаки не ходили по хатамъ и скотнымъ дворамъ (Тер. V, 87).

Давно уже предполагають, что Купальскіе и другіе имъ подобные огни имѣють силу давать урожай и прогонять смерть не сами по себѣ, а потому, что изображаютъ солнце. Исслѣдованія Куна, почти цѣлкомъ примѣнимыя и къ Славянской мифологіи, даютъ прочныя основанія этому предположенію.

Для возстановленія древней формы мифа, лежащаго въ основаніи Купальскихъ обрядовъ и повѣрій обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Во первыхъ всѣ солнечные праздники (по Русс. повѣрью, Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Иваново Рожденіе. Даль, Посл. 1003) ознаменованы игрою Солнца. У Болгаръ на Енѣвъ день солнце пляшетъ, кружится, вертитъ двумя саблями, которыя держитъ въ рукахъ (Карав. 234), у Вр. на Ивановъ день солнце, проѣзжая по небу въ колесницѣ, пляшетъ и разсыпаетъ по небу искры, что впрочемъ можно замѣтить только при его восходѣ (Тер. V, 75). Въ Силезіи солнце играетъ въ день Sobótek. Дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемыя Słończeta, выходятъ съ ними на зарѣ въ поле и, положивши ихъ на чистый бѣлый платокъ, пляшутъ вокругъ и приговаривають g r a j słońce, g r a j, tułaj s a twoje słończeta. Потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками, такъ чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ (Срезн. объ обож. солнца, 40. Ж. М. Н. Пр. 1846. т. 51). ¹⁾ Въ Тульск. г. на канунъ Петрова дня поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣняхъ. При восходѣ солнца всѣ начинаютъ испускать радостные крики. Старики наблюдаютъ, какъ солнце играетъ

¹⁾ Другое значеніе придается особеннымъ движеніямъ солнца на Ив. день у Сербовъ и Хорв.: «Приповіедају да је Иванъ дан тако велики светацъ, да на њега сунце на небу трипут до страха стане» (Карадж. Рјечн. Піѣ 167).

по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ, то заблещетъ разными цвѣтами, голубымъ розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно (Сахар. II, 7, 41—2). Едва появится солнце, его привѣтствуютъ хоромъ:

Ой ладо, ладо! и пр. (Тер. VI, 48)

Одна Мр. купальская или петровочная пѣсня начинается такъ: «Изъ за гори Со-
нечно иде ѿ грае», на Свѣтлое Воскресенье играетъ солнце, и это обнаруживается
черезъ сотрясеніе его лучей. Многіе, чтобъ видѣть, какъ оно играетъ, взлѣзаютъ на
самыя высокія зданія (Тер. VI, 103). Точно такъ солнце играетъ, т. е. вертится,
катается по небу, раскидываетъ лучи и собираетъ ихъ вновь, и на Благовѣщенье
(Тер. VI, 23). Во всѣхъ этихъ описаніяхъ играть значитъ: 1) плясать, кружиться,
2) ярко свѣтитъ, какъ и въ слѣд. Серб. пѣснѣ, въ коей «играјући» противопла-
гается слову похмо ло (пасмурно):

Синоћ сунце играјући заће,
А јутроске пошмоло изаће.
Што по синоћ играјући заће,
Оно Јово мајци с војске доће,
А што јутрос пошмоло изаће,
Оно-ѿ Јово мајци разболео (Кар. Пјес. I, 486.)

Основное а, ја ослабляется въ и: Скр. агра-м, верхушка, конецъ, остріе = во
всемъ кромѣ рода = Слав. игла; Ст. сл. изокъ, кузнечикъ (потомъ — мѣсяцъ іюнь) ср.
съ скр. аджа-с, аджа, козель, коза, откуда уменьшитель. аджака, маленькая коза
(кор. адж-ати = агеге идти, гнать); мѣст. инъ по корню = Скр. анја; ст. Сл. Серб.
имела (омела) = Скр. а-мала т. е. безъ пятенъ, бѣлая (Ср. *viscum album*). Слав.
истъ, истовъ, истина (то что есть) — кор. ас; по аналогіи съ чеш. *obydli*,
жилье, и буда (кор. бһу, быть), къ тому же истъ отъ ас можно отнести и сл.
истъба, истъба, которое Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ съ нѣм. *stupa*,
stoba (*stube*), а другіе, совершенно неправильно ссылаясь на уменьш. истобка,
истопка, производятъ отъ топить; слав. им-ж, лит. *imi*, кор. *jam*; игра, лит.
ikrai, ѿ (м. р. мн. ч.), тоже, *jeknos*, ѿ (ж. р. мн. ч.), печень = Скр. *jakrt* (въ
друг. фор. *jakan*) = *jesug*; Сивый = Скр. *sjaba*, *fuscus*. Согласно съ этими
примѣрами сл. иг-ра предполагаетъ кор. *jaг*, который находимъ въ Скр. въ формѣ
јадж (*јаджати*, пр. сов. *и-јаджа* съ и изъ *ја*, какъ и въ нѣкоторыхъ др. фор-
махъ) со значеніемъ: приносить жертву, жертвою чтить боговъ. Отсюда легко могло
образоваться значеніе пѣть (Вр. играть пѣсню) и плясать (первоначально объ об-
рядныхъ пѣсняхъ и пляскахъ). Значеніе блистать могло появиться только отъ при-
мѣненія слова играть къ пляскѣ солнца.

Солнце пляшетъ, именно вертятся какъ жорновъ или колесо: въ страстную пятни-
цу восходящее солнце «jako běhoun mlynařsky (svrchni kamen) kolem sebe točí
(Houška, pověry 332);

V poledne, s poledne slunečko kolem jde

(Suš. Mor. nár. písn. 444);

Jož to slonyčko kolem de,

Jož se nám bliží poledně (ib. 557);

Солнце колесомъ у гору идзець (Тер. II, 470).

Какъ у другихъ Индоевропейскихъ племенъ, такъ и у Славянъ солнце не только сравнивалось съ колесомъ, но и дѣйствительно представлялось имъ. Ср. Скр. сŷrjas-ja чакрамъ, греч. ἡλίου κύκλος, сканд. fagrahvel (прекрасное, свѣтлое колесо), суп-пи hvel (колесо солнца) съ Мр. названіемъ солнца кроковымъ колесомъ (т. е. цвѣту оранжеваго «жовтогарячаго» цвѣтка крокоса, довольно обыкновеннаго въ мр. садахъ, или цвѣту шафрана):

Кроковое колесо

Вище тину стояло,

Много дива видало.

Чи бачило колесо,

Куди нѣлюбъ поїхавъ? и пр.

Отсюда понятно, почему въ разныхъ мѣстахъ Германіи Ивановскіе костры, по предположенію изображающіе солнце, замѣняются сожиганьемъ колеса, обвитаго соломой. Колесо это мѣстами втыкается на шесть и такъ сожигается, мѣстами зажженное скатывается съ горы (такъ и у хорутанъ, Naniš kalend. 186) или подбрасывается вверхъ. По этому колесу, какъ по изображенію солнца, гадаютъ объ урожаѣ: въ Лотарингіи, если зажженное колесо не потухло на срединѣ горы, и горя скатилось въ рѣку, то это служить предвѣстіемъ хорошаго сбора винограда (Grimm Myth. 586).

Во вторыхъ, въ Ладогѣ огонь для купальскаго костра (живой огонь, лѣсной огонь, царь-огонь, лѣкарственный) добывался или теперь добывается посредствомъ тренія (Сах. ск. Р. н. II, 7, 39). Хотя извѣстія о такомъ добываніи Ивановаго огня довольно рѣдки сравнительно съ такими же извѣстіями объ огняхъ во время мора и падежа (Далъ посл. 1055, Gr. Myth. см. potfeuer), но можно считать несомнѣннымъ, что не иначе добывались всѣ огни, имѣющіе отношеніе къ солнцу. Самый способъ тренія опредѣляется Сербскимъ названіемъ живаго огня: извити огонь, т. е., какъ кажется, добытый посредствомъ витья, крученья, а не простымъ треніемъ одного куска дерева о другой. Такъ какъ солнце есть колесо, то Нѣмецкія свидѣтельства, что живой огонь (potfeuer) получали, вертя колесо вокругъ оси (Gr. Myth. 571) не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что этотъ огонь, подобно всѣмъ праздничнымъ, особенно купальному, изображалъ, какъ зажигается небесное колесо, солнце. Этимъ объясняется происхожденіе повѣрья о томъ, что солнце пляшетъ, т. е. кружится подобно колесу или жернову.

Изъ вышеприведенныхъ извѣстій о томъ, что солнце вертится колесомъ именно при самомъ восходѣ, можно заключить: во первыхъ, что по первоначальному представленію солнце вновь зажигалось каждое утро и что только впоследствии это воспламененіе и пляска солнца были приурочены къ извѣстнымъ днямъ въ году; во вторыхъ, что солнце каждый день потухало при закатѣ. Кромѣ этого есть основанія ду-

мать, что и у Славянъ, какъ у Индійцевъ, солнце гасло и днемъ, когда скрывалось за темною, бурною тучею; оно вновь зажигалось огнемъ молніи. Купальскій костеръ, изображающій солнце, имѣетъ въ тоже время отношеніе къ грозѣ. Какъ, по правилу *similia similibus curantur*, держать въ домѣ громовую стрѣлу (чортовъ палецъ) для предохраненія себя отъ громоваго удара (Ноишка, *rov. III, 182*), какъ съ тою же цѣлью во время грозы зажигаютъ громницу, страстную или Богоявленную свѣчу, изображающую огонь молніи (Шейков. Бытъ Подолянъ II, 22. Поль. *gromnica*, чеш. *hromnice svѣча*, освященная 2 февр. *Hanuš kalend.*); такъ въ чехахъ во время грозы жгутъ частицы купальскихъ вѣнковъ, головни и уголья изъ купальскаго костра выносятъ на засѣянные поля, на луга и въ сады и втыкаютъ подъ крыши строеній, чтобъ громъ не повредилъ урожаю и не ударилъ въ жилье (Sumlork II, 325). Какъ громницей въ Мр. выжигаютъ въ чистый четвергъ кресты на воротахъ и дверяхъ, чтобъ удалить дьявольскую силу, враждебную людямъ и громовому божеству (Тер. VI, 99), такъ и остатками купальскихъ факеловъ и костровъ прогоняютъ вѣштицъ вѣдьмъ, вовкулакъ. Объясненіемъ такой связи костра (т. е. солнечнаго колеса) и грозы служитъ слѣдующее. У Инд. Индра во время битвы съ демономъ тучи (т. е. во время грозы) сталкиваетъ солнечное колесо въ облачную гору. Хотя въ Ригведѣ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ того, что при этомъ солнечное колесо гаснетъ, но это само собою разумѣется. п. ч. гора, въ которой исчезаетъ солнце, содержитъ въ себѣ воду. За тѣмъ Индра, убивши демона при помощи Кутсы (другая форма самого Индры, т. е. громовой стрѣлы), возвратилъ смертнымъ небесное свѣтило, т. е. по всей вѣроятности зажигалъ его вновь. Это происходило такимъ образомъ. Индра или Кутса вертѣлъ кусокъ (скр. *прамантха*, тотъ кусокъ дерева, которымъ вертятъ другой для полученія огня) въ ступицѣ солнечнаго колеса. Сначала всѣ усилія напрасны: загорается только *прамантха* и вылетаетъ изъ ступицы (это и есть перунъ); но наконецъ воспламеняется и само колесо, и буря проходить. Явственный слѣдъ связи громовой стрѣлы (вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—громоваго ствола или клина) и солнечнаго колеса виденъ въ томъ, что Агни, снаряжая Вишну (въ Ведахъ это несомнѣнно солнечное божество) въ бой, даритъ ему *ваджранābhān чакран*, т. е. колесо, въ ступицѣ котораго—перунъ, колесо, отъ обращенія коего вылетаетъ изъ ступицы громовая стрѣла (Kuhn *Herabk.* 65—6, 68).

И такъ изъ всего сказаннаго видно, что человѣкъ, объясняя отдаленное близкимъ, неизвѣстное извѣстнымъ, считалъ солнце за горящее колесо, зажженное такимъ же самымъ образомъ, какимъ зажигается оно на землѣ. Такое объясненіе принадлежитъ относительно позднему времени. Оно доказываетъ, что Арійцы до раздѣленія на племена обладали запасомъ механическихъ свѣдѣній, достаточнымъ для того, чтобъ сдѣлать колесо, что имъ былъ извѣстенъ возъ, хотя бы и самой грубой формы, что стало быть были у нихъ и животныя, тянущія возъ. Все это, впрочемъ, извѣстно изъ другихъ источниковъ. При томъ зажиганье небснаго колеса предполагаетъ уже человѣкообразное существо, вертящее колесо или *праманту* въ колесѣ; но антропоморфизмъ есть, какъ извѣстно, явленіе позднѣйшее. Какъ же объяснялся небесный огонь, тогда когда не было извѣстно колесо и когда мысль еще не дозрѣла до созданія человѣкообразныхъ божествъ?

Куны думаетъ, что первоначальный способъ добыванія огня былъ указанъ самою природою. Предкамъ Арійскихъ племенъ совершалось это откровеніе въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Человѣкъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими и чужеродными растеніями, теръ твердый сукъ объ высохшую лѣану, какъ отъ тренія рождался огонь, и сталъ рабски подражать этому. Слѣды такого подражанія сохранялись весьма долго. Между тѣмъ какъ въ позднѣйшее время, напр. у Славянъ, для добыванія огня считались пригодными два куска любого мягкаго дерева, напр. липы (Кар. Рјечн. живи огань, извити огань),—у Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ одинъ изъ этихъ кусковъ дѣлался непременно или преимущественно изъ ползучаго или чужероднаго растенія: у Индійцевъ, изъ асваттха самигарбха, т. е. изъ священной смоковницы (*figus religiosa*), выросшей на сами (*acacia suma*); у Грековъ—изъ ползучаго или чужероднаго раст. ἀδραγύνη, что по догадкѣ Куна значитъ: рождающая огонь (Зенд. атаръ, огонь); у Римлянъ, по словамъ Плинія, «*nihil edera praestantius, quae teratur... probatur et vitis silvestris... ederae modo arborem scandens*. Климатическое различіе странъ, заселенныхъ этими племенами, заставило употреблять различныя растенія; но общее сходство при этомъ сохранилось.

Самый способъ тренія могъ быть указанъ природою. У Инд. Грековъ и Герм. твердый кусокъ дерева (греч. τρύπανον), подобно бураву, вертѣлся въ другомъ. Судя по этому и при рожденіи лѣснаго огня, вѣроятно, былъ замѣченъ именно тотъ случай, когда сукъ одного дерева попадалъ въ отверстіе другаго. Позднѣйшій способъ добыванія огня посредствомъ колеса сохраняетъ то общее съ болѣе древнимъ, что какъ въ первомъ ось вертится въ маточинѣ, или на оборотъ колесо вращается вокругъ оси, такъ во второмъ буравъ (τρύπανον) вертится въ нижнемъ, кускѣ дерева (ἐσχαρά).

По вѣрованію восточныхъ и западныхъ азійскихъ Арійцевъ и Германцевъ, на небѣ тоже есть дерево. Первоначально это есть представленіе облаковъ, расположенныхъ подобно вѣтвямъ огромнаго дерева. Безъ сомнѣнія и у Славянъ было дерево, соотвѣтствующее священному ясеню германцевъ (Сканд. Yggdrasil), коего вѣтви превышали небо, корни спускались къ жилищамъ Гримтурсовъ, смерти (Hel) и людей. Для насъ важны три черты германскаго міога: на вершинѣ священнаго ясени сидитъ орелъ, роса падающая съ его вѣтвей питаетъ пчелъ, змѣи подѣдаютъ его корни. Последнюю черту ср. съ упоминаемымъ въ Слав. сказкахъ деревомъ, которое перестаетъ приносить золотые, дающіе молодость плоды, п. ч. змѣй или червь гложетъ его корни; первая двѣ находимъ въ слѣдующихъ колыдкахъ.

Хозяину: Стоить соснойка середь дворойка,
Ей въ тій соснойці троякий хосень ¹⁾:
Ей отъ кореня — жовти лишойки ²⁾
А въ середині — яри пчілойкі,
А підъ вершейкомъ сиви соколи.

¹⁾ Польза, корысть.

²⁾ Лисицы.

Поносяться ¹⁾ жовти лишейки,
 Же їх доходять панські хортойки;
 Поносяться яри пчілойки,
 Же их доходять буйни ручейки,
 Поносяться сиви соколи,
 Же їх доходять дуйни вітрове,
 Дуйни вітрове, дрібни дожджове.

(Голов. Пѣсни II, 3)

Хозайкѣ. Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ
 Стоїть мі стоїть зелений явіръ,
 А въ тимъ яворі три користоньки:
 Єдна мі користь въ верху гніздонько,
 Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
 Друга мі користь а въ середині,
 А въ середині, въ борти пчолоньки;
 Третя мі користь у коріненька
 У коріненька чорні бобри.
 Сивъ соколонько — пану на славу,
 Ярі пчолоньки — Богу на хвалу,
 Чорні бобри та на шубоньку
 Та на шубоньку господиновці.

(ib. 51 — 2)

Здѣсь прославляється богатство и величіе хозяевъ, изображенное тѣмъ, что все, что есть на всемірномъ деревѣ и у его кореньевъ, все служитъ имъ на пользу и гордится этимъ. По скандинавскому сказанью, подъ всемірнымъ деревомъ пасется коза и нѣсколько оленей; о лисицахъ и бобрахъ въ немъ не упоминается. Въ слѣдующей колядѣ дерево, очевидно то самое, о которомъ говорятъ двѣ первыя, названо райскимъ:

Ой долівъ, долівъ, долівъ луженьки,
 Идуть долівъ ними бистрі річеньки.
 Ой плине-жъ, плине райское древце,
 Райское древце зъ трома вершечки:
 Въ однімъ вершечку — сивъ соколонько,
 Въ другімъ вершечку — сива кунонька,
 Въ третімъ вершечку сивъ ластовлята:
 Ой не е-жъ тото сивъ соколонько,
 Але е-жъ тото господаренько;
 Ой не е-жъ тото сива кунонька,

¹⁾ Гордятся. Ср. Серб. поносити се съ тѣмъ же значеніемъ.

Але е-жъ то то бо й газдиненька;
 Ой не е-жъ то то сивъ ластовлята,
 Але е-жъ то то єі дитята (ib. 30—1).

Не ясно, почему это дерево представляется плывущимъ. Замѣчательно, что и свадебное «деревце» называется раемъ; когда «обирають деревце» (укр. вільце вють), поють:

Колесомъ, колесомъ въ гору солнце йде;
 Въ нашій (род. п.) Маруні рай ся вѣе.

«Марусенько дівонько!

«Хтожъ тобі той рай давъ?

Давъ мені Бігъ и Батенько мій (ib. II, 102)

Предположивши, что первое значеніе слова рай есть дерево, можно отнести это сл. къ скр. кор. ар, со значеніемъ возвышаться, стремиться вверхъ ¹⁾. Значеніе paradisus могло, конечно, войти въ языкъ вмѣстѣ съ переводомъ св. писанія, но можетъ быть и до христіанства сл. рай въ частности обозначало небесное дерево.

Во 2-й изъ приведенныхъ колядокъ небесное дерево названо яворомъ. Съ этимъ ср. Польскую колядку:

Na śród dworu jawor stoi,
 Na jaworze złota rzeża.
 Przylecieli rajskie ptaszęta
 I obtrzesli złote rzesy

а величаемая дѣвица собрала это золото (Zeg. Pauli, P. L. p. 5). По слѣдующему повѣрью, яворъ оказывается священнымъ деревомъ, имѣющимъ какое-то отношеніе къ солнечному празднику, дню Петра и Павла: «на Буковинѣ видали, что чортъ, одѣтый по Нѣмецки, рубилъ яворъ въ день Св. Петра и Павла. Каждый, кто послѣ него рѣшался рубить то же дерево, непременно калѣчился и оставлялъ работу. Въ горахъ есть много такъ намѣченныхъ яворовъ, и горцы боятся ихъ рубить, особенно въ первые дни послѣ Петра и Павла (Siemieński, pod. i Leg. 114).

И такъ на небѣ тоже есть дерево. Отъ тренія его вѣтвей и сучьевъ происходитъ небесный огонь. Молнія, падающая на землю, есть зажженная вѣтка этого дерева. Возможно, что такимъ же образомъ объяснялся и солнечный огонь, но на это Кунъ не находитъ прямыхъ указаній.

А. Потебня.

[Окончаніе слѣдуетъ].

¹⁾ Хотя этотъ корень легко могъ принять форму и р, однако, можетъ быть, другое, несомнѣнно языческое, названіе ра я, и р ѣ и («и сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ ирья идуть. Лавр. 101), Мр. ви р ѣ и, род. ви р ѣ я, относится, м. б., и не къ нему, а если и къ нему, то не непосредственно. Можно напр. независимо отъ окончанія, сблизить это слово съ Скр. ирѣ, жидкость, питье, вода, при чемъ ирей значилъ бы: небесная вода, потому небо вообще. Со стороны значенія такое сблизженіе не лишено вѣроятности между прочимъ потому, что по Вр. пѣснямъ птичье царство (ирей)—на морѣ, т. е. на небѣ, въ ви рѣѣ.